

Вадим Панов

Дипломатический вопрос

Часть сборника
Eurocon 2008. Убить Чужого
(сборник)

Вадим Юрьевич Панов

Дипломатический вопрос

Аннотация

«Странная все-таки штука – человеческий мозг.

Многим ученым кажется, что они отлично разобрались в его устройстве, знают, как он функционирует и что означает пульсация каждой клетки. Ученые уверены, что хитрые формулы и термины, которые они щедро рассыпают в статьях и монографиях, дают ответы на все вопросы...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

17

Вадим Панов

Дипломатический вопрос

1

Странная все-таки штука – человеческий мозг.

Многим ученым кажется, что они отлично разобрались в его устройстве, знают, как он функционирует и что означает пульсация каждой клетки. Ученые уверены, что хитрые формулы и термины, которые они щедро рассыпают в статьях и монографиях, дают ответы на все вопросы.

Есть еще шарлатаны, которые заявляют, что познали все нюансы сознания, что овладели глубинными законами, связывающими каждого человека – и миллионера, и бродягу – с Великим Космосом. И многие люди им верят.

А сгусток серого вещества, что прячется в хрупкой оболочке из кости, продолжает делать свое дело. В автономном режиме управляет сложнейшей биологической машиной под названием «человек», механикой и химией жизнедеятельности, реагирует на внешние раздражители, подает предупредительные сигналы хозяину. И оберегает психику от слишком сильных потрясений.

Любой произошедший с тобой кошмар забывается, сглаживается, ретушируется. Иногда этот процесс отнимает

¹ Взаимосвязан с рассказом Сергея Лукьяненко «И вот идут они на суд». См. сборник «Спасти Чужого».

некоторое время, иногда он происходит практически мгновенно. Иногда память о пережитом ужасе возвращается, иногда он исчезает из твоей жизни навсегда. Заложённая в мозг программа требует, чтобы сознание хозяина оставалось ясным и спокойным, ибо психическое здоровье является одним из важнейших показателей нормальной работы всего организма, и мозг делает все, чтобы завуалировать кошмар. Превратить трагедию в кино...

В кино, которое случилось не с тобой.

Бор думал, что ему будет сниться завал. Мягкая тяжесть, сковавшая тело. Неподвижность. Думал, что ему будет сниться исчезающий воздух и та красная лампочка аварийного освещения, что тускло моргала где-то справа. Ведь на то оно и аварийное, это освещение, чтобы работать даже тогда, когда помещения бункера сдавило, словно гигантским прессом. Бор думал, что ему будет сниться безнадежность. Не паника, а тоскливое понимание приближающегося конца, символом которого стали вспышки справа. Отключить лампочку Бор не мог, отвернуться тоже, поэтому он почти сутки смотрел, как его могила периодически освещается красным. Несколько раз он проваливался в забытие. Несколько раз плакал, принимался кричать, надеясь привлечь внимание спасателей. Два раза начинал считать вспышки.

Когда его вытащили, Бор был без сознания, в себя пришёл через трое суток, и, осознав, что жив, почти сразу подумал, что каждую ночь будет видеть во сне пережитое: неподвиж-

ность, уходящий воздух и красные вспышки лампочки аварийного освещения...

Ничего подобного.

Ему действительно снились сны о трагедии. Но сны, больше похожие на кино. В этих снах он видел город с высоты птичьего полета. Или корабельного полета? Он видел разноцветные крыши домов, видел подметенные улицы, одетые в зеленое деревья, неспешно ползущие по мостовым машины и большой фонтан на главной площади. Он видел людей... А потом он видел приближающиеся ракеты. Серебристые, с красными головками сигары, стартовавшие из далекого пригорода. Он видел белесые следы, что оставляли они в голубом небе, и взрывы. Он видел, что ни одна ракета не достигла цели. А потом он видел накатывающуюся на город волну...

Странный сон видел Бор. Правдивый, но странный. Похожий на кино, что случилось не с ним. Он не должен был видеть этот сон, потому что находился в бункере. Не мог видеть крыши домов, потому что сидел глубоко под ними. Это был не его сон.

Но Бор смотрел его каждую ночь.

И оставался спокоен.

Ведь кино случилось не с ним.

Странная все-таки штука – человеческий мозг.

Бор отбросил одеяло и встал с кровати. Потянулся. Подошел к окну, открыл жалюзи и улыбнулся солнцу.

«Я жив!»

«Я ЖИВ!!!»

*Корабль вынырнул из-за Луны и достиг орбиты Земли быстрее, чем операторы, получающие информацию с разведывательных спутников, успели понять, что происходит. Не то чтобы доложить начальству о чрезвычайной ситуации, а просто – понять. Не было у них на это времени, не осталось. Слишком быстро двигался внезапно появившийся на мониторах объект. Невозможно быстро для земной техники, невозможно быстро для кометы или астероида. А потому все операторы, все без исключения, замерли, ошарашенно наблюдая за приближением корабля. Да и то, что речь идет именно о корабле, о космическом корабле – о **ВНЕЗЕМНОМ** космическом корабле! – операторы сообразили чуть позже. И только потом они узнали, что в приблизительном переводе с двиярского этот корабль назывался «квадрантный крейсер второго ранга».*

Но это было потом.

Вызванная изумлением пауза длилась около пятнадцати секунд. И в тот момент, когда первый пришедший в себя оператор выкрикнул: «Черт! К нам прилетели!», Корабль уже входил в плотные слои атмосферы. А когда у главнокомандующих различных армий зазвонили телефоны, когда они одинаково хмурили брови, пытаясь понять, что именно им пытаются сообщить, крейсер двияров завис над озером, вокруг которого раскинулся город.

Двиарская техническая мысль развивалась без участия Голливуда и любителей НЛЮ, а потому квадрантный крейсер второго ранга не был похож ни на блюдо, ни на диск, ни на творения дизайнеров фантастических телесериалов. У него были крылья для маневрирования в атмосфере, его формы отличались плавностью линий, и он казался огромным. Вот и все, что могли сказать задравшие головы жители города.

Примерно десять секунд корабль висел в тысяче ярдов над поверхностью, а затем в его днище открылся огромный люк, послышалось громкое гудение, и из озера стал расти огромный водяной столб. Вверх. К кораблю.

Вода обычно спокойного озера забурлила. Лодки и яхты, на которых коротали летний день многие жители города, потеряли управление и были захвачены гигантским водоворотом. Раздались первые крики ужаса. До главнокомандующих, которым сбивчиво излагали ситуацию, наконец-то дошло, что происходит.

А из расположенной в пригороде базы ПВО вылетели четыре ракеты...

В столовой оказался только Цвейг. Седенький старичок, как обычно, одетый в черный костюм с обязательным черным галстуком, белоснежную сорочку и блестящие туфли, допивал кофе, поглядывая в разложенную на столе газету. Увидев Бора, он улыбнулся и вопросительно поднял брови,

что означало приглашение. Бор ответил на улыбку и присел за столик старика.

– Доброе утро, профессор.

– Доброе утро, Бор. Как вы спали?

– Неплохо.

– Видели сон?

– Да.

С первого дня знакомства между Цвейгом и Бором установились теплые отношения. Профессор не скрывал, что молодой мужчина напоминает ему сына, Бору, в свою очередь, импонировали ум Цвейга и внутренняя сила, что позволяла старику держаться. А потому единственным человеком, помимо врачей, которому Бор рассказал о своем странном сне, стал именно Цвейг.

– А вот мне ничего не снится. – Старик сделал маленький глоток кофе. – Абсолютно ничего...

Ответить Бор не успел. Цвейг вернул чашку на стол и, снова улыбнувшись, постучал пальцами по развернутой газете:

– Забавно наблюдать, как журналисты высасывают статьи из пальцев. Почти два месяца дивьяры находятся на Земле, а ничего нового в прессе так и не появилось. Все статьи в той или иной форме повторяют то, о чем говорилось в течение первой недели.

– Служба безопасности каждый день отлавливает репортеров, пытающихся пробраться на базу, – заметил Бор. – Последний переоделся солдатом.

– Им нужна информация. Люди хотят знать, что происходит.

– Они думают, что правительства засекретили данные.

– Вот именно.

– И не верят правде.

– Человек хочет верить в то, во что он хочет верить, – обронил старик.

Информационный вакуум раздражал общество, раздражал журналистов и раздражал правительства. Картинки ви-сящих на орбите четырех двиарских кораблей давно при-елись. Немногие изображения самих двиаров были изучены под микроскопом. Ученые и уфологи забрасывали журнали-стов своими теориями и домыслами, высказывали предпо-ложения, откуда взялись двиары, что представляет собой их общество и к чему приведет встреча. В первое время уче-ных и уфологов внимательно слушали, затем интерес к ним пошел на спад. Общество желало выслушать самих двиаров или, на худой конец, правительство, которое обязано прове-сти переговоры и доложить. Общество желало знать правду.

А правда заключалась в том, что информации не было.

Двиары молчали. Общество злилось. Правительства лепи-ли хорошую мину при плохой игре.

– Полагаю, рано или поздно все встанет на свои места, – протянул Бор, вчитываясь в меню.

– Согласен, – кивнул Цвейг.

И покосился на официанта, терпеливо ожидающего заказа

Бора.

Кормили в столовой великолепно. Тот деятель из правительства, фамилии которого Цвейг не запомнил, заявил на всю планету, что «мы ничего не пожалеем для тех, кто пережил ужасную катастрофу», и слово сдержал. Апартаменты, в которых разместили выживших жителей города, не уступали люксам лучших отелей. Многочисленные горничные следили за порядком. За здоровьем горожан наблюдала целая рота медицинских светил. А в столовую командировали высококлассных поваров, способных приготовить любое блюдо.

На этой же базе находились и четверо дваров, являвших собой временное представительство на Земле. Четверо инопланетян, которые с любопытством выслушивали истории землян, но молчали о себе.

Бор захлопнул меню, строчки которого переливались французскими, английскими, русскими, китайскими и японскими названиями, и попросил:

– Сначала грейпфрутовый сок, затем большой стейк с жареной картошкой, большую кружку кофе и два круассана.

Официант записал и удалился.

Цвейг, заказавший еще одну чашечку кофе по-турецки, отложил в сторону газету и внимательно посмотрел на Бора.

– Друг мой, я хочу вам кое-что сказать...

– *Я не верю!*

Висящий на стене телевизор невозмутимо демонстриро-

вал снятую с вертолета картинку горящего города. Города ли? Ни одного уцелевшего здания, ни одного уцелевшего дерева, ни одного автомобиля. Лишь черная смесь, в которую сплавилась камни, сталь и стекло. Местами еще горит. Местами дымит.

И ни одного человека.

– Я не верю!

– Придется поверить, господин президент.

А над черным пятном, некогда бывшим городом, неподвижно завис чуждой корабль. Как автограф злого художника, написавшего беспощадную картину.

– Согласно последней переписи, там жило около четырехсот тысяч человек...

– Энергетическая вспышка огромной мощности...

– Мы не можем понять, чем они ударили...

– Размеры инопланетного корабля составляют...

– Они не выходят на связь...

– Это Голливуд, мать вашу! – прорычал президент. –

Голливуд договорился с CNN и гонит эту чушь! Это реклама нового блокбастера!

Сжав кулаки, он сидел за столом и не сводил взгляд с телевизионного экрана. Звук отключили – чтобы все понять, достаточно было видеть.

– Боюсь, господин президент, это не Голливуд, – тихо произнес стоящий позади Гендерсон.

– Это вторжение! – рявкнул генерал. – Война!

– Инопланетяне более не предпринимают враждебных действий и не выходят на связь, – по-прежнему негромко напомнил Гендерсон.

– Ну и что?

– На то, чтобы появиться в нашей системе, достичь Земли и уничтожить город, у них ушло меньше пяти минут. С тех пор прошло еще двадцать, а они ничего не предприняли. Я полагаю, наши гости пребывают в некоторых сомнениях...

– Чушь! Это вторжение!

– Срочное сообщение! – В Овальный кабинет ворвался офицер. – Приближаются еще три корабля!

– Когда они будут здесь?

– Если сохранят свою скорость, то не меньше, чем через два часа.

– Первый удар продемонстрировал мощь, – немедленно отреагировал генерал. – Теперь не спеша подтягиваются главные силы. Они знают, что мы их видим, и не торопятся. Дают нам возможность осознать, что война проиграна.

– Проиграна? – Президент жестко посмотрел на военного. – Она еще не начиналась!

– Так отдайте приказ!

Их взгляды встретились на фоне картинки горящего города. Четыреста тысяч погибших. Черное месиво из камней и стали.

Гендерсон покачал головой и чуть склонился, намереваясь

прошептать президенту несколько слов, но тот уже принял решение:

– Что у нас есть в этом районе?

Генерал расцвел в улыбке.

– Неподдалеку стоит ударная авианосная группа. План уже разрабатывается...

– Сколько времени потребуется истребителям, чтобы достичь цели?

– Полчаса.

– Мы атакуем!

– Им потребовалось пять минут, чтобы уничтожить целый город, – напомнил Гендерсон.

– Мирный город, – отрезал генерал. – Теперь им предстоит встретиться с военными.

– Приступайте к операции!

– Но это территория другой страны, – бросил свой последний козырь помощник президента. – Суверенитет...

– Что за страны? – поинтересовался президент, но прежде, чем Гендерсон произнес название государства, продолжил: – Впрочем, не засоряйте мне голову деталями. Генерал, вы получили приказ!

– Есть!

– Гендерсон, немедленно тащите сюда CNN и напишите мне короткую речь. Что-нибудь о том, что наша страна встает на защиту мировой цивилизации, дает отпор агрессорам и бла-бла-бла в том же духе. Пусть госдеп свяжется

с туземным правительством и сообщит, что через десять минут его границу пересекут наши истребители. – Президент покосился на телевизор. – И принесите мне диск с «Днем независимости»!

– Я знаю, вы бы никогда не спросили, что заставило меня изменить решение, – медленно произнес Цвейг. – Вполне возможно, вы бы подумали бог весть что о мотивах или... обо мне. А для меня очень важно, Бор, чтобы вы, именно вы, думали обо мне так, как я того заслуживаю.

– Поверьте, профессор, я бы никогда...

Но старик выставил перед собой ладони, останавливая молодого собеседника:

– Бор, прошу вас, позвольте мне закончить. Для меня это очень непростой разговор.

– Извините, – пробормотал Бор. – Конечно...

И отвел взгляд.

Цвейг взял со стола чайную ложечку, повертел ее, собираясь с мыслями, и продолжил:

– И ни в коем случае не думайте, что этот разговор я провожу по чьей-либо просьбе.

– Не буду.

На этот раз старик не отреагировал. Но паузу выдержал и, помолчав, произнес:

– Я изменил решение, друг мой.

– Я уже понял.

Профессор вновь не услышал собеседника. Он вертел чайную ложечку и твердил ей:

– Я изменил свое решение... Изменил...

А Бор смотрел на чистую льняную скатерть и хотел выпить джина. Без тоника. Без ничего. Чистого, неразбавленного джина.

В тот день Цвейг в одиночестве отправился в загородный гольф-клуб. Попрощался с женой, с внуками, пообещал на обратном пути заехать в супермаркет, вышел из дома, что стоял почти в самом центре города, сел в машину и поехал. Он не слушал радио, предпочитая управлять машиной под записанного на CD Листа, а даже если бы и слушал, то это ничего бы не изменило – по радио не успели ничего сказать. Он не видел зависший над городом корабль дваров. И, разумеется, не заметил старта ракет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.